

широтой охвата археологического материала Г. Чайльд доказывает, что повозочное цельнодеревянное колесо было изобретено единожды и в одном месте и состояло первоначально из трех составных частей; древнейшие повозки запрягались парой (или двумя парами) животных. Возможно, что первая повозка представляла собою сани, поставленные на колеса. Из составленной автором хронологической таблицы видно, что древность применявшихся в разных местах колесных повозок уменьшается по мере удаления от Месопотамии. Колеса со спицами (сначала с четырьмя) явились новым изобретением вскоре после 2000 г. до н. э. и применялись при постройке военных колесниц в Анатолии и северной Персии. Около 1300 г. это изобретение докатилось до Средней Европы, Швеции и Китая. В такие колесницы всегда запрягалась пара лошадей.

К статье Чайльда приложена хронологическая таблица времени и места распространения колесных повозок с 3000 до 1250 гг. до н. э. и карта их распространения.

Для советских читателей представляет также интерес статья Р. Вейнхольда и Д. Трейде¹ о расселении племен на Кавказе в VI в. до н. э. — II в. н. э. по данным античных писателей.

Сборники «Этнографические и археологические исследования» представляют значительный интерес для археологов и этнографов. Судя по первым трем выпускам, редакторы намерены помещать в этих сборниках преимущественно статьи по большим теоретическим проблемам археологии и этнографии. А таких проблем достаточно много. Особенно ценно, что такие вопросы получают в сборниках разрешение не только в теоретическом плане, но и на практике, как, например, в статье К. Отто о Леубингенской культуре, как бы дискуссионны ни были некоторые из сделанных им выводов. Остается пожелать продолжения издания таких сборников.

Проф. А. Брюсов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИНДИИ

(Обзор журнала «Ancient India» за 1946—1955 гг.)

В прошлом году исполнилось 10 лет со дня выхода в свет первого номера центрального органа индийских археологов «Древняя Индия». Официально являясь продолжением неперiodического журнала «Archaeological Survey of India», новый журнал качественно от него отличается. В отличие от своего предшественника, в котором основное внимание уделялось вопросам архитектуры, иконографии, стиля, журнал «Древняя Индия» является археологическим в современном понимании этого слова, уделяя основное внимание изучению предметов материальной культуры. В то же время печатающиеся в нем работы не носят узко описательного характера, а всегда служат разрешению определенной исторической проблемы. Журнал также печатает важные теоретические статьи по археологии и древней истории Индии и прилегающих стран.

Ряд работ видных индийских археологов посвящен проблеме истории первобытного общества в Индии. Среди статей, касающихся этой темы, заслуживает особого внимания работа В. Д. Кришнасавами «Каменный век Индии», (AI, № 3 (1947), стр. 11—57). Цель автора состояла в установлении хронологической классификации памятников палеолита и неолита различных районов Индии. В статье предлагается следующая классификация памятников.

Для северо-запада Индии: 1. Пресоанская индустрия. 2. Ранний Соан. 3. Орудия типа «мадрасских рубил» (встречаются в северной Индии, типологически сходны с орудиями абевильско-ашельского типа Европы и синхронны раннему Соану; ра-

¹ R. We in h o l d u n d D. T r e i d e, Die Völkerschaften des Kaukasus im Alttertum nach verschiedenen antiken Autoren von 6 Jahrh. v. u. Z. bis zum 2 Jahrh. n. u. Z.

скопки 1953—1954 г. подтвердили мысль автора о возможности одновременного существования обеих указанных культур¹). 4. Позднесоанская индустрия. 5. Индустрия типа «Чаунтра», обнаруженная лишь в Пенджабе, характеризуется наличием элементов техники «мадрасских рубил» и соанских орудий из отщепов и галек. 6. Индустрия развитого Соана.

Палеолит центрально-тропической Индии (долина р. Нарбады) автор делит на три группы: нижнюю (хронологически соответствующую раннему Соану), верхнюю (хронологически соответствующую позднему Соану), и, наконец, так называемую группу «новых наносов» (хронологические рамки которой еще точно не известны).

Индустрию центральной и южной Индии Кришнасами делит на ряд основных районов, часть которых он сопоставляет с индустрией типа Соан, а часть — с индустрией типа «мадрасских рубил».

Классификация Кришнасами представляет собой систематизацию палеолитических индустрий отдельных районов, объединить которые в крупные культуры пока не представляется возможным; несомненной заслугой автора является установление четкой последовательности различных этапов палеолитических культур долины рек Инда и Нарбады.

Интересно и убедительно опровергает автор теорию о разрыве между палеолитом и неолитом в Индии, указывая на существование определенных промежуточных культур, которые он называет протонеолитическими. Далее автор делает попытку установить абсолютную хронологию индийского неолита, определяя время его существования для северной Индии VI—IV вв. до н. э. Относительно же южной Индии Кришнасами утверждает, что неолит этого района дожил до начала железного века. Однако необходимо отметить, что в ряде поздних «неолитических» поселений наблюдается значительное количество медных и бронзовых орудий, что не позволяет считать выводы автора окончательными.

Кришнасами принадлежит и другая большая работа «Прогресс в предистории» (AI, № 9 (1953), стр. 29—52), в которой он продолжает систематизацию материала последних работ по изучению каменного века в Индии, позволивших установить два локальных варианта (северный и южный) палеолитических орудий из гальки. Касаясь вопроса о неолите, Кришнасами придерживается классификации Е. Вормана, основанной на типологизации полированных каменных топоров. Автор, вслед за Ворманом, делит все неолитические орудия этого типа на три группы, каждая из которых, по его мнению, связана скорее с восточной Азией, чем со Средним Востоком. Кришнасами справедливо отмечает, что вероятным путем проникновения этих неолитических орудий были Ассам и Бирма, а в качестве их возможной родины он указывает восточный Индокитай (культуры Хоабинь, Бакшон, Сомронг-Сен). Автор затрагивает также важный вопрос о связях культуры плечикового топора с районом распространения аустроазиатоязычных племен.

В 1949 г. под руководством Кришнасами и К.В. Соунадар Раджана в округе Миразпур были предприняты раскопки, вскрывшие двухслойные поселения (AI, № 7 (1951)).

Нижний (палеолитический) слой содержал 15% орудий типа Соан и 85% орудий типа мадрасских рубил, что еще раз подтвердило одновременность существования этих культур. Верхний (микролитический) слой, не содержащий керамики, авторы относят к мезолиту. К тем же выводам приводят и материалы с палеолитических поселений Гиддалур (к югу от р. Кришны), опубликованные К. Соунадар Раджаном. Обнаруженные там микролиты автор относит к мезолиту.

Интереснейшая микролитическая стоянка, существовавшая вплоть до железного века, была обследована К. Годдом близ Бомбея (стоянка Салсет — AI, № 6 (1950), стр. 4—16). Наличие над микролитическим слоем слоя с керамикой первых веков до н. э. позволяет установить точную верхнюю дату стоянки. Автор

¹ О последних палеолитических находках см: «Indian Archaeology», New Delhi, 1954, стр. 37; «Indian Archaeology 1954—1955», New Delhi, 1956.

датирует конец существования микролитической стоянки V в. до н. э. и на ее материале пытается проследить основные черты поздней микролитической культуры западной Индии, которые сводятся в основном к следующему: микролиты из грубых ножевидных пластин, вырождающаяся кремневая индустрия, шлифованные каменные и костяные бусы, полированные и сверленные каменные орудия и даже керамика. Обилие специфических черт неолита, нам кажется, дает возможность признать стоянку неолитической. Это, при отсутствии в указанном районе памятников бронзового века, делает вполне естественным кажущийся на первый взгляд маловероятным непосредственный переход от микролитической техники к железному веку.

Крупным достижением последних лет явилось открытие в долине верхнего Ганга ряда доарийских поселений, относящихся к энеолитической культуре «медных кладов»¹. Это дало возможность Б. Б. Лалу рассмотреть с новых позиций весь имеющийся материал по этой культуре и, сопоставив ее с недавно открытыми поселениями желтой керамики, дать первый общий очерк материальной культуры долины Ганга данного периода (AI, № 7 (1951), стр. 20—39). Хронологические рамки этой культуры могут быть определены благодаря последним раскопкам в северо-восточной Индии (ее верхняя дата — XII в. до н. э.).

Культура «медных кладов» выросла из предшествующей ей культуры восточного каменного топора в Бихаре и Ориссе, о чем свидетельствует сходство целого ряда орудий. Ряд индийских исследователей (Кришнасами, Лал)² справедливо связывает культуру «медных кладов» с древнейшим населением этого района, предшествующим арийцам. Прослеживается постепенное распространение памятников этой культуры из районов ее возникновения (Бихар, Орисса) к северо-западу по долине Ганга.

Ряд фактов позволяет, как нам кажется, думать, что указанное движение было закономерным продолжением движения этих аустро-азиатических по языку племен из их родины — южного Индокитая, происходившего в период неолита.

В то же время археологические данные (раскопки в Каллуре) и ряд других фактов (например, лингвистические и этнографические данные) позволяют говорить о взаимовлиянии предков мунда и дравидоязычных племен юга Индии. Культура предков мунда предстает перед нами, как культура оседлых земледельцев с развитым металлообрабатывающим ремеслом и с игравшими некоторую роль в их хозяйстве охотой и рыболовством. Специфической чертой материальной культуры этих племен является отсутствие проушных и втульчатых орудий и исключительное применение меди. Наиболее характерными орудиями являются медный плечиковый топор-мотыга, трапецевидное тесло, вытянутое долото, гарпуны; типичные виды оружия: копьё, мечи. О развитии обмена говорят находки своеобразных колец, служивших денежным эквивалентом. Антропоморфные фигурки свидетельствуют о культе предков. Конец этой культуры связан с приходом в долину Ганга племен ариев (с XI в. до н. э.), оттеснивших племена предков мунда в Бихар.

Всемирно известные памятники культуры Хараппы и Мохенджо-Даро продолжают привлекать внимание не только узких специалистов, но и широкой научной общественности. В то же время имеется целый ряд недостаточно уясненных вопросов (происхождение культуры, предел ее распространения, антропологический облик ее создателей, связи с другими древними культурами Индии и т. д.). Над решением этих вопросов и работают сейчас виднейшие археологи Индии, исследования которых публикуются в журнале «Древняя Индия». Этому способствует накопление нового материала в результате непрерывно ведущихся археологических исследований.

Уже в первом номере журнала была помещена интересная теоретическая статья С. Пиггота «Предысторическая хронология Северо-Западной Индии» (AI, № 1 (1946), стр. 8—26). В статье получило свое дальнейшее развитие и обоснование общепринятое

¹ Подробное см. Г. Бонгард-Левин и Д. Деопик, К проблеме происхождения народов мунда, СЭ, 1957, № 1, стр. 46—56.

² В. В. Lal, ук. статья; V. D. Krishna s w a m i, Progress in Prehistory, AI, № 9 (1953).

в настоящее время положение о тесных связях культуры Инда и других древних цивилизаций Востока.

В 1950 г. Пиггот издал свою работу «Предысторическая Индия»¹, в которой более подробно изложил все аспекты этой проблемы. Автор на основании изучения культур Белуджистана и Инда в период энеолита приходит к выводу об их культурном единстве при определенном своеобразии каждого из этих районов (например, в Белуджистане обилие форм и относительная бедность культур, в долине Инда — наоборот).

Анализируя энеолитическую керамику Передней Азии и Инда, Пиггот считает возможным выделить на всей этой территории две большие культуры: 1) городскую, характеризующуюся красной керамикой и представленную культурами Зоб, Хараппы и керамикой могильника «Н» (в Хараппе); 2) сельских общин, для которой характерна керамика культур Кветта, Амри, Наль, Кулли, Шахи-Тумп, Джхукар, Джхангар. Раскопки проследили возможность существования на одном поселении слоев различных культур (напр., Амри и Хараппы; в Чанху-Даро первые три слоя относятся к Хараппе, IV — к культуре Джхукар и V — к Джхангар) и доказали факт одновременного существования двух больших культур (напр., культур Хараппы и Кулли).

Установив относительную хронологию отдельных культур внутри рассмотренного района, Пиггот на основании многочисленных аналогий с культурами Месопотамии, Средней Азии, Ирана дает абсолютную хронологию энеолитических культур Белуджистана и Инда, датируя их падение первой половиной II тысячелетия до н. э. Вместе с тем, в этой работе Пиггот не ставит вопроса о связи культур, сменивших Хараппу, с арийцами.

В то время как положения Пиггота о тесных связях древних культур долины Инда с культурами Передней Азии нашли свое дальнейшее подтверждение в результате последующих археологических работ, его классификация выглядит мало убедительной. Положенный им в основу классификации принцип сходства техники изготовления керамики, применимый для характеристики культур, хронологически и географически близких, вряд ли может служить критерием при исследовании разновременных и географически отдаленных друг от друга культур.

Последней из статей по этому вопросу является работа Д. Гордона, ставящая ряд интересных проблем и по-новому разбирающая ряд спорных вопросов (AI, № 10—11 (1954—1955), стр. 157—191). Прежде всего автор выступает против деления Пигготом и Мак-Кауном керамики индо-иранской области на красную и лощеную. Анализируя материал, Гордон показывает, что на стоянках лощеной керамики часто встречается, а в ряде случаев (например, в Шах Хусейни, Бампур-Кхурабе и т. д.) даже преобладает красная. Вместе с тем автор отмечает, что в описанном районе лощеная и красная керамики распространены наряду с коричневой, оранжевой и серой.

Относя конец культуры Хараппы к середине XVI в. до н. э., автор подробно останавливается на проблеме «темного века» применительно к Белуджистану и приходит к выводу, что от конца Хараппы вплоть до VIII—V вв. до н. э. рассматриваемая территория была населена народом «погребальных пирамид» и керамики типа «Лондо», знавшим лошадей и железо и медленно двигавшимся из восточного Ирана в Пенджаб. Автор призывает смело «атаковать» проблему «темного века» в Индии.

В № 3 рецензируемого журнала помещена публикация Р. Уиллера о раскопках в Хараппе в 1946 г., когда объектом исследования были оборонительные сооружения в городе и один из могильников (P—37), который впервые исследовался в 1937 г. (AI, № 3 (1947), стр. 58—130). Раскопки дали большой и интересный материал, который позволил еще ярче представить себе одну из наиболее развитых цивилизаций Древнего Востока.

На большом протяжении были вскрыты массивные оборонительные стены, окру-

¹ St. Piggot, Prehistoric India, L., 1950.

жавшие цитадель в городе и имеющие форму параллелограмма. Вся планировка города соответствовала расположению цитадели. Кроме защиты цитадели от нападения, стены служили как бы дамбами против наводнения. Раскопки обнаружили несколько слоев, но описанная система укреплений цитадели относится лишь к культуре Хараппы.

Уиллер, посвящая «социальным аспектам Хараппской цивилизации» специальный раздел, тем не менее не дает подробного разбора археологического материала под этим углом зрения и ограничивается лишь общим указанием на несомненно существовавшее сходство между социальными структурами городов долины Инда и Месопотамии.

Между тем открытие цитадели — событие, «произведшее революцию в наших концепциях о структуре Хараппского общества»¹. Наличие цитадели окончательно опровергает еще бытующее в зарубежной литературе мнение о какой-то неклассовой городской цивилизации в долине Инда.

Раскопанные могильники собственно Хараппской культуры (Р—37) и позднехараппского времени (периода могильника Н) дали новый антропологический и археологический материал для изучения материальной культуры Хараппы.

Уиллер считает, что погребения эпохи могильника Н принадлежат арийским завоевателям. Но эта точка зрения вряд ли соответствует действительности; отсутствие перехода между памятниками периода могильника Н и Хараппой не может служить доказательством того, что более поздняя культура принадлежала вторгнувшемуся народу, так как одна культура отделена от другой значительным стерильным слоем. Кроме того, культура могильника Н известна лишь в двух пунктах, что явно не вяжется с представлением об арийском вторжении.

К наиболее интересным находкам 1946 г. можно отнести: ряд новых печатей, зернотерки, зеркала, серию граффити, большое количество терракот, изображающих женское божество. Особый интерес вызвала крупная кирпичная платформа, в центре которой устанавливалась ступа для толчения риса.

Большое внимание уделяют индийские археологи древнейшей истории одной из основных групп обитателей древней Индии — дравидам, которым принадлежит мегалитическая культура железного века южной Индии. Исследованию этой культуры посвящен ряд крупных работ, опубликованных в журнале «Древняя Индия».

Г. Чайльд в статье «Мегалиты» (AI, № 4 (1947—1948), стр. 4—13), анализируя мегалитические культуры Евразии, определяет место среди них индийских мегалитов. Автор отмечает, что индийские мегалитические погребения являются позднейшими из известных нам сооружений этого вида и полностью относят их к железному веку. Чайльд подчеркивает обязательную связь мегалитов южной Индии с погребениями.

Проблеме географического распространения и типологизации южноиндийских мегалитов по их конструкции посвящена статья Кришнасами «Типы южноиндийских мегалитов» (AI, № 5 (1949), стр. 35—45). Автор различает три локальных варианта. Первый вариант распространен в районе Чинглепута на Коромандельском побережье и характеризуется мегалитами двух типов (погребальная камера и круги из больших камней с урной посередине). Вторым вариант — Пудукотай — разделяется на два типа — каменные пирамиды и каменные ящики. Наконец, наиболее интересны мегалиты Кочипа (третий вариант), конструкция которых меняется в зависимости от природных условий.

Описывая южноиндийские мегалиты железного века, автор останавливается на вопросе об их взаимоотношениях с мегалитической культурой северо-восточной Индии. Кришнасами отвергает концепцию переднеазиатского происхождения обеих мегалитических культур, считает их возникшими независимо одна от другой и признает связь мегалитов северо-восточной Индии с юго-восточной Азией. Установленная Кришнасами классификация южноиндийских мегалитов выглядит очень убедитель-

¹ См. В. В. L a l, Protohistoric Investigation, AI, № 9 (1953), стр. 81.

Рис. 1. Керамика из могильника R 37 в Хараше

ной и может быть принята за основу при дальнейшем изучении железного века южной Индии.

Отметим, что, несмотря на обилие форм и локальные различия в конструкции, все мегалиты южной Индии сходны между собой и, вероятно, принадлежат одной этнической общности (дравидам).

Раскопки в Поркаламе в 1948 г. (публикация 1952 г.) вскрыли интересный памятник, относящийся ко второму типу «чинглепутского варианта» мегалитов южной Индии (по классификации Кришнасами). Результатам этих работ посвящена статья Б. К. Тхапара (АИ, № 8 (1952), стр. 3—16). Раскопанное погребение дало чрезвычайно богатый материал. Найденная керамика имеет аналогии с керамикой поселений этого времени (Брахмагири, Чандравалли, Арикамеда, Тинневели и др.). Имеются бусы, подобные найденным в Маски, Каусамби, Таксиле, что, вероятно, свидетельствует о тесных связях южной Индии с другими частями страны в этот период (I в. до н. э.—V в. н. э.). Анализ комплекса в целом позволяет считать его погребением рядового воина, возможно, свободного общинника.

Замечательным памятником южной Индии является многослойное городище в Брахмагири (др. Исила), раскопанное под руководством Р. Уиллера в 1947 г. (АИ, № 4 (1947—1948), стр. 180—310). Целью раскопок было исследовать поселения, которым соответствуют мегалитические могильники, и определить время существования этой культуры в целом.

Могильник состоял из нескольких групп погребений (см. рис. 2), причем в каждую из них входило три-четыре больших погребения в каменных ящиках или ямах, окруженных кольцом камней (причем эти сооружения можно назвать мегалитами лишь условно, так как применявшиеся для их постройки камни были небольших размеров). Большие погребения были окружены двумя-тремя десятками простых каменных ящиков. По всей вероятности, перед нами родовое кладбище, где богатые могилы со сложным погребальным обрядом (немногочисленные могилы с кольцами) могли служить погребениями верхушки рода, а многочисленные простые каменные ящики являлись погребениями рядовых общинников. К сожалению, Уиллером были раскопаны лишь богатые погребения в кольцах. Но и здесь можно проследить четкое разграничение погребений на две группы: погребения в каменных ящиках, обложенные камнями по кругу, и ямы, также обложенные кольцом камней. В погребениях первой группы индийские археологи неоднократно обнаруживали по нескольку повторных захоронений, что позволяет рассматривать их как склепы отдельных семей. Погребения в ямах всегда одиночны. Обе категории очень богаты керамикой, но в ямах намного больше железных изделий. Эти факты, убедительно свидетельствующие о расслоении рода, привели Уиллера к выводу о том, что различия в конструкции погребений и погребальных обрядах связаны с принадлежностью умерших к различным социальным группам.

Могильник, на основании датировки соответствующих городских слоев, может быть отнесен ко II в. до н. э. — I в. н. э. Уиллер справедливо считает возможным связать происхождение южноиндийских мегалитов не с мегалитами северо-восточной Индии, а с неолитической культурой юго-восточной Азии.

При раскопках городища Брахмагири индийские археологи вскрыли наслоения трех эпох. Первый период — период «южного каменного топора», относится к X—III вв. до н. э. Затем идет мегалитическая культура (II в. до н. э. — I в. н. э.) и культура Андра (конец I—III вв. н. э.).

Типичным орудием первого периода является полированный подтреугольный каменный топор с коническим обухом. В нижнем слое этой культуры были найдены вместе с каменными топорами микролиты, в верхних же слоях — медные долота и два небольших бруска из меди и бронзы (интересно отметить, что никаких следов железа не было обнаружено). В нижнем слое среди большого количества местной керамики, сделанной от руки, был пайден ряд фрагментов расписной керамики. Была ли эта керамика местного производства или привозная, установить трудно, может быть, она отражает какие-то связи с культурой северо-западной Индии.

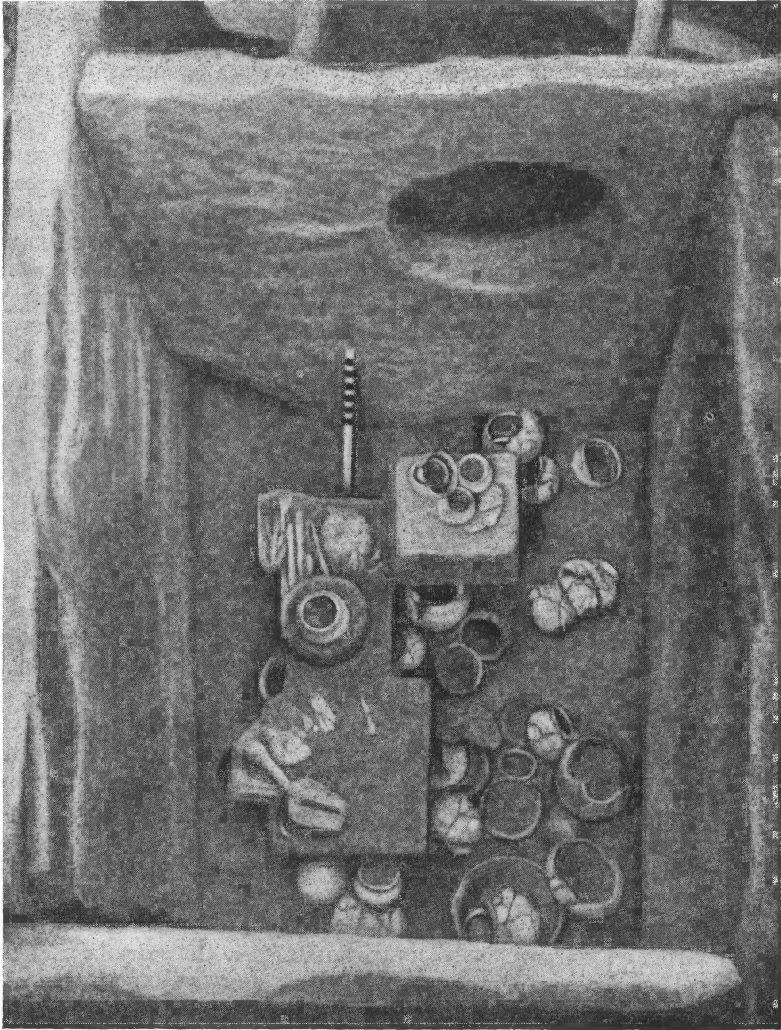

Рис. 2. Мегалитическое погребение из Брахмагири

Мегалитический слой поселения в Брахмагири характеризуется обилием железных изделий¹. Уиллер считает возможным связать мегалитическую керамику Брахмагири с «северной черной лощеной керамикой». Автор указывает на возможность крупных переселений с севера на юг, что было вызвано, по его мнению, экспансией Маурьев в эти области. С этим он связывает появление на юге мегалитической культуры и железного века. Признавая попытки Маурьев проникнуть на юг Индии, вместе с тем нельзя согласиться, что это недолговременное влияние могло привести к столь большим и резким изменениям на территории всей южной Индии. Предположение Уиллера кажется тем менее правдоподобным, что возможен факт генетической связи культуры «южного полированного каменного топора» и наследовавшей ей мегалитической культуры.

¹ Ранний этап железного века не представлен, благодаря чему отсутствует последовательный переход в слоях поселения. Правда, в мегалитическом слое было найдено несколько неолитических топоров и микролитов, что может свидетельствовать об известной преемственности культур.

Близким по своей материальной культуре к Брахмагири является двухслойное поселение в Чандравали (Читалдург) в Майсоре. Археологи выявили два слоя: мегалитическая культура и культура периода Андрхры.

Материал из мегалитического слоя в Чандравали сходен с соответствующим материалом из Брахмагири. Интересно отметить длительное сосуществование в Чандравали мегалитической культуры и культуры Андрхры, что доказывается совместным залеганием вещей обеих культур в нескольких слоях. Памятник в Чандравали особенно интересен еще и тем, что он может быть точно датирован находками римских монет I в. до н. э. — I в. н. э. (денариев Августа и Тиберия). Залегание указанных монет вместе с местными помогает точно датировать монеты одного из правителей династии Саваханов — Яджна Шатакарни и уточнить хронологию основных правителей Андрхры.

Отметим также работу К. Р. Шринивасана (AI, № 2, 1946), в которой автор, анализируя данные ранних тамильских источников, приходит к выводу о принадлежности мегалитов доарийскому населению и устанавливает позднюю дату их существования — начало V в. н. э.

Важным событием в изучении прошлого Индии явилось открытие в 1950—1952 гг. многослойного поселения в Хастинапуре (Уттар Прадеш), где были вскрыты слои от середины II тысячелетия до н. э. вплоть до средневековья. Этим раскопкам посвящена превосходная работа Б. Б. Лала (AI, № 10—11 (1954—1955), стр. 5—15). Автор, анализируя интересную стратиграфию этого памятника, создает весьма убедительную картину последовательной смены различных культур и связанных с ними этнических общностей в долине верхнего Ганга.

Основной целью раскопок было определить соотношение серой расписной керамики (см. рис. 3), которую автор относит к ариям, с предшествующими ей культурами энеолита. Исходя из расположения памятника, Лал и его сотрудники считали, что этот предшествующий слой должен принадлежать культуре Хараппы, но раскопки привели к неожиданным и весьма важным результатам. В нижнем слое поселения были найдены фрагменты желтой плохо обожженной толстостенной керамики, которую Лал сопоставил с «культурой медных кладов» в северо-восточной Индии (стоянка Бисаули, Раджпур и т. д.). Последние раскопки Шарма в Бахадарабаде, о которых сообщает Лал, подтвердили его выводы, так как в этом поселении керамика, подобная хастинапурской, была найдена вместе с медными предметами культуры «медных кладов». Таким образом, в противоположность долине Инда, где арийской культуре предшествовала культура Хараппы, здесь, как и во всей долине Ганга, ей предшествовала культура «медных кладов и желтой керамики», принадлежащая древнему населению северо-восточной Индии — предкам мунда. Над слоем желтой керамики находился слой «серой расписной керамики», датированный Лалом XI—VIII вв. до н. э. (хотя верхний слой лежит непосредственно над нижним, никакого взаимодействия между ними не было прослежено). Основным материалом, характеризующим этот слой, является серая расписная керамика (тонкая, хорошо отмученная, из хорошо обожженной глины, сосуды сделаны на гончарном кругу, основные формы — чаши и миски). Кроме серой расписной керамики была обнаружена красноглиняная (горшки, большие сосуды типа пифосов) и чернолощеная (блюда, кувшинчики).

Очень характерна металлическая индустрия этого слоя: за исключением небольшого числа железных изделий в самой верхней части слоя, основная масса предметов сделана из меди. Последнее представляет большой интерес, так как лишней раз может свидетельствовать об ошибочности утверждения о каком-то особом преимуществе материальной культуры ариев в период вытеснения ими местных племен. В то же время культура ариев резко отлична от предшествующей ей. Она представлена в Хастинапуре фигурками животных и кружками из обожженной глины, браслетами. Найдены были кости лошади, свиньи, остатки зерен риса. Археологи вскрыли остатки жилищ из сырцового кирпича и тростника, обмазанного глиной. Вскрытый слой имеет много аналогий на других поселениях этой культуры (в Матхуре, Ахичхатре, Курукшетре и т. д.). Лал относит этот слой к периоду существова-

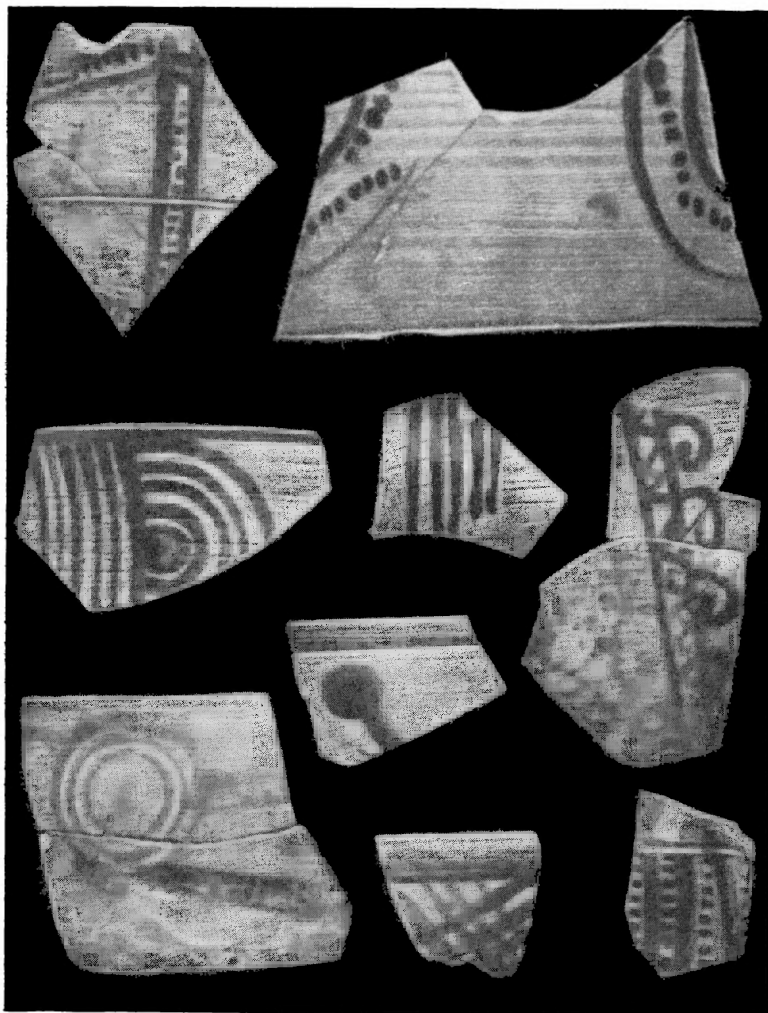

Рис. 3. Фрагменты «серой расписной керамики» из Хастинапуры

ния здесь столицы государства Кауравов, описанного в Махабхарате, что подтверждает историческую достоверность многих ее данных.

Третий период Хастинапуры датируется монетами с начала VI по начало III в. до н. э. и характеризуется так называемой «северной черной лощеной керамикой», которая развилась из предшествующей ей серой расписной керамики (представлена чашами, крышками, кубками, блюдами). Дома делались из сырцового и обожженного кирпича правильных форм. Металлические изделия изготовлялись полностью из железа, лишь украшения делались из меди. Найдено большое количество монет.

Весь обнаруженный комплекс близок к слою северной черной лощеной керамики в Каусамби. Слой, следующий за слоем культуры северной черной лощеной керамики, относится ко II в. до н. э. — III в. н. э. и характеризуется абсолютным преобладанием красноглиняной керамики, применением штампа. Раскопки обнаружили большое количество монет сунгского и кушанского времени (две — «без подписи», пять — правителей Мадур, шесть — кушанского царя, 10 — имитируют монеты кушанского царя Васудевы и т. д.), терракот стиля Сунга, изображение Бодисатвы Майтреи в стиле «Мадур», различные вотивные фигурки и т. д. Найдено большое число граф-

фити и печатей с надписями. Весь комплекс типичен для северо-индийских городов сунга-кушанского времени.

Наибольшее внимание из перечисленных культурных наслоений Лал уделяет периоду, относящемуся к серой расписной керамике. Автор устанавливает значительное распространение памятников этого времени в долине Ганга (раскопки наряду с Хастинапурой в Ахичхатре, Кампале, Матхуре, Багхпате, Барнаве, Курукштре. Панипате и т. д.) и выделяет их в самостоятельную культуру, отличную от культуры Хараппы и «медных кладов». Лал провел специальное исследование расписной керамики Передней Азии и Южной Европы и пришел к выводу о существовании там аналогий с серой расписной керамикой. Он считает, что это сходство, наряду с другими фактами, отражает процесс движения индоевропейских племен в течение II тысячелетия до н. э. из Греции через Малую Азию, Иран в западную Индию.

Исследования Лалом Хастинапуры и соседних с ней мест весьма приближают решение вопросов, связанных с вторжением ариев. Вместе с тем трудно согласиться с положением автора, что сходство в некоторых элементах расписной керамики западной Индии и Передней Азии может служить основанием для столь определенных выводов.

Большие исследовательские работы проводят индийские археологи по изучению памятников так называемого «исторического периода», от которого до нас дошли достоверные эпиграфические и литературные данные. Археология дает возможность яснее представить себе многие стороны социально-экономической и культурной жизни народов древней Индии, недостаточно освещенные в письменных источниках.

Всемирноизвестные раскопки в Таксиле производил с 1913 г. Дж. Маршалл, а в последние годы их продолжали индийские археологи под руководством А. Гхоша. Основное внимание было уделено раскопкам одного из городов в Таксиле, Сиркапа, основанного греко-бактрийцами во II в. до н. э. и существовавшего до кушанского времени. Раскопки вскрыли могильный архитектурный ансамбль — ступу «Джармараджика», основание которой приписывается Ашоке. В южной части Сиркапа были обнаружены ступа и монастырь, которые, согласно Сюань Цзяну, были воздвигнуты при сыне Ашоки — принце Кунале. Наиболее интересным является зороастрийский храм в северной части Сиркапа, в конструкции которого ясно видно влияние греческой архитектуры. Раскопки 1944—1945 гг. вскрыли мощный комплекс оборонительных сооружений города с бастонами из камня и сырца, улицы с домами, построенными в греческом стиле и т. д. Результаты этих раскопок изложены в статье А. Гхоша «Таксила (Сиркап) 1944—45 г.» (AI, № 4 (1947—1948), стр. 41—84). Целью раскопок было проследить связь между расположением дворца и городских укреплений. А. Гхош пришел к выводу об одновременности сооружения городской стены и городских кварталов, включая дворец. Среди найденных монет значительная часть принадлежит к местным таксилским образцам и лишь несколько Азесу (57 г. до н. э.), Кадфизу (40 г. н. э.) и Хувишке (II в. н. э.).

В журнале были опубликованы статьи, написанные на основании обработки материала раскопок в Ахичхатре в 1940—1944 гг. (см. AI, № 1 (1946), стр. 37—59; № 8 (1952), стр. 33—63). Согласно Махабхарате, Ахичхатра была столицей северных Панчалов и существовала непрерывно вплоть до XI в. н. э. Раскопки имеют особое значение, так как они дают стратиграфическую шкалу (девять периодов) смены культур на протяжении 15 веков. Первый период относится ко времени до III в. до н. э., второй охватывает III—II вв. до н. э. и характеризуется северной лощеной керамикой. Как во втором, так и в третьем периоде (II—I вв. до н. э.) были вскрыты постройки из сырцового кирпича. Для четвертого (I в. до н. э.) и пятого (I в. н. э.) периодов характерны сооружения из обожженного кирпича и постройки укреплений. В слое конца V периода были обнаружены монеты Панчалов. Следующие периоды относятся к кушанскому (VI период), гуптскому (VII период) и более позднему времени.

В работах А. Гхоша, К.С. Паниграхи и М. Г. Дикшита (AI, № 8, 1952) классифицированы наиболее массовые категории находок — керамика и бусы. Важность этих работ

несомненна, так как они дают возможность точно датировать небольшие поселения, где подобные находки являются основным датировочным материалом.

Крупным исследованием, основанным на материале из Ахичхатры, является работа известного индийского ученого В. С. Агравалы — «Терракотовые фигурки из Ахичхатры» (AI, №4 (1947—1948), стр. 104—179, см. рис. 4). Прежде всего необходимо отметить подробную разработку автором буддийской, добуддийской и индусской иконографии, причем особо важен вопрос о культе материнского божества, восходящем, по мнению автора, к домаурийскому времени.

Результаты раскопок в Ахичхатре, по-видимому, могли бы быть еще более плодотворными, если бы археологи вели раскопки широкими площадями, а не относительно узкими траншеями.

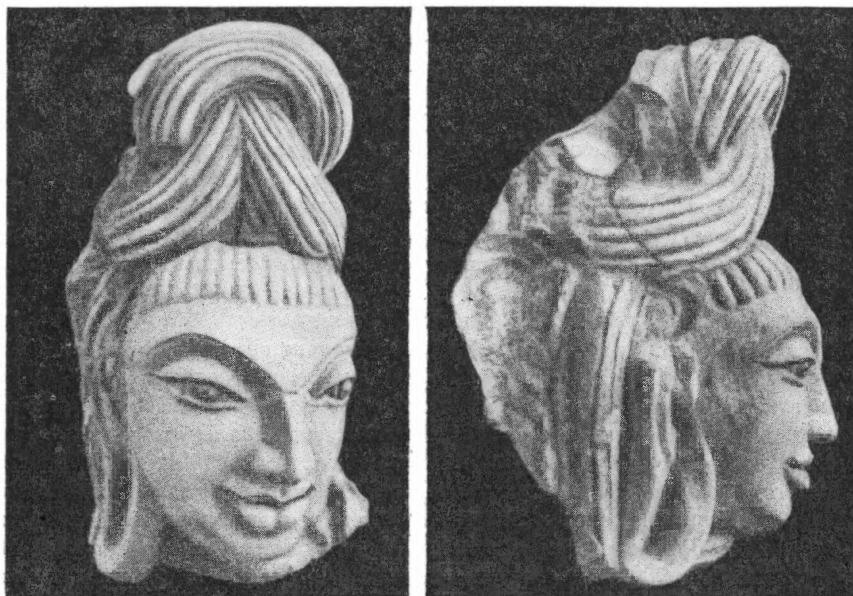

Рис. 4. Голова терракотовой статуэтки Шивы из Ахичхатры

В 1948 г. индийские археологи под руководством Б. Б. Лала вели раскопки древней крепости Шипунальгарх в юго-восточной Индии (см. рис. 5). Этот город, возможно, соответствует Тосали, о котором сообщается в эдикте Ашоки из Дхаули, а также в надписи Кхаравелы из Хатхигумфы. Раскопки вскрыли часть центра, оборонительную стену и западный вход (AI, № 5 (1949), стр. 62 — 105). Раскопки показали, что город был заселен с первой четверти III в. до н. э. до середины IV в. н. э.

Б. Б. Лал считает возможным проследить три последовательных этапа существования города: от первого периода не осталось никаких архитектурных остатков. Следующий период, характеризующийся постройками из латеритовых плит, делится на две фазы. В первой фазе (II в. до н. э. — I в. н. э.) местная керамика сливается с привозной и образует красную лощеную керамику. В конце этой фазы появляется чернокрасная керамика и керамика римского производства. Вторая фаза (I—II вв. н. э.) представлена обыкновенными красноглиняными сосудами, стеклянными браслетами, римскими монетами и медными местными монетами (Хувишки). Последний период (III в. — середина IV в. н. э.) характеризуется переходом от яркочерной к тонкой красной или оранжевокрасной керамике, наличием большого числа терракот и золотых копий кушанских монет Васудевы и чисто кушанских монет.

Раскопкам в Раджгире в 1950 г. посвящена статья А. Гхоша (AI, № 7, (1951), стр. 66—79).

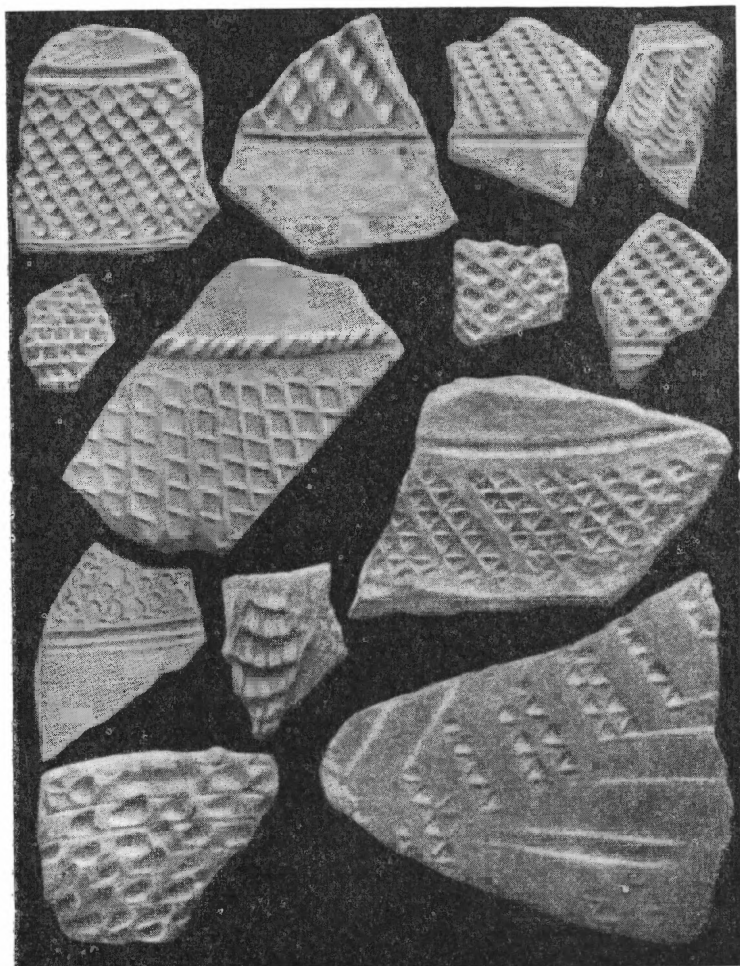

Рис. 5. Керамика со штампованным орнаментом из Шипупальгарха (II в. до н. э.—II в. н.э.)

Раджагриха, согласно Махабхарате, была местом, где правил Ярасандха, соперник Пандавов, а при магадских правителей стала столицей их государства. Буддийские хроники сообщают, что при Бимбисаре город посетил Будда; согласно же джайнским источникам, в городе несколько лет жил Махавира.

Раскопки проводились на небольшой площади и вскрыли четыре последовательных периода. Следы древнейшего поселения относятся ко времени, предшествовавшему появлению северной черной полированной керамики (до V в. до н. э.). Следующий период охватывает время с V в. до II в. до н. э. и характеризуется широким распространением северной черной лощеной керамики при небольшом количестве черной и черно-красной керамики.

Распространение красной керамики характерно для III периода, относящегося к I в. до н. э. Последний период индийские археологи датируют I в. н. э.¹

Большой научный интерес представляет общая публикация результатов раскопок римского лагеря на восточном берегу Индостанского полуострова — в Арикаме-ду, принадлежащая А. Гхошу, Р. Уиллеру и Кришна Дева (AI, № 2 (1946), стр. 17—

¹ О раскопках в Раджгире в 1953—1954 годах см. «Indian Archaeology», New Delhi, 1954.

124). Некоторые исследователи сопоставляют Арикамеду с Подуком, о котором сообщается в «Перипле Эритрейского моря». Город возник, по мнению авторов, не позже 23 г. до н. э. Случайные находки из Арикамеду уже в 30-х годах привлекли внимание научного мира к этому интереснейшему памятнику. В 1945 г. там работала экспедиция индийских археологов. Раскопки вскрыли построенный около 50 г. н. э. склад; в другой части города были обнаружены красильные чаны, служившие для окраски материи, которая вывозилась из Индии.

Авторы выделяют два типа римской керамики, происходящей из Арретиума (амфоры и широкие блюда с отпечатками штампов), и местную. В местной преобладает сероглиняная с небольшим количеством красной. Помимо этого имеется некоторое количество черно-красной керамики и сосуды с отпечатками плетенки. С I в. н. э. местная керамика все больше оказывается под влиянием римской. Арикамеду был крупным торговым портом, тесно связанным со Средиземноморьем и, возможно, служил перевалочным пунктом на торговых путях, которые связывали западный мир с юго-восточной Азией. Это обусловило большое количество римских вещей в городе: бусы, геммы, стеклянные браслеты, золотые изделия, глиняные лампы, большое количество монет. Из местных предметов, помимо керамики и бус, найдено железное долото, шило, обломок кинжала и т. д. Обнаружены деревянный молоток и деревянное корытце. Особый интерес представляют многочисленные посвятельные надписи на керамике (граффити), на основании которых авторы пытаются восстановить древний шрифт южно-индийских алфавитов, сопоставляя граффити из Арикамеду (I—II вв. н. э.) с другими древними южно-индийскими надписями. Обнаруженные (см. рис. 6) надписи могут считаться древнейшими экземплярами надписей на тамильском языке (по терминологии авторов шрифт «дравиди»); наряду с ними встречаются и праkritские надписи.

Важные вопросы затронуты в статье Н. П. Чахраварти о малых наскальных эдиктах Ашоки (AI, №4 (1947—1948), стр. 14—25). Наибольшее внимание автор уделяет рассмотрению вопроса об экспансии на юг Индии маурийских правителей. На основании анализа ряда источников (джайнских легенд, поздних южно-индийских надписей, тамильской литературы первых веков нашей эры и самих эдиктов Ашоки) Чахраварти приходит к выводу, что основные завоевания на юге Индии были предприняты при отце Ашоки — царе Биндусаре. В доказательство своей точки зрения автор приводит отрывок из сочинения тибетского историка XVII в. Таранаты о том, что министр Биндусары по имени Чанакья жестоко умертвил царей и вельмож почти 16 городов (владений); после этого царь завоевал все земли (между Восточным и Западным океанами).

Результаты многолетних археологических исследований, проводившихся в Индии, получили освещение в 9 номере журнала «Ancient India» (1953). Юбилейный номер — это своего рода отчет о тех работах, которые вели и ведут индийские археологи. Статьи, помещенные в нем, написаны известными учеными А. Гхошем, Б. Б. Лалом, В. Д. Кришнасами, К. Р. Шринивасаном, Д. С. Сиркаром и др. и освещают результаты археологических исследований памятников различных эпох от палеолита до средневековья, историю индийской археологии.

Подводя итог рассмотрению журнала «Древняя Индия», необходимо отметить, что рецензируемое издание, в котором широко и детально разрабатывается история одной из древнейших цивилизаций мира, по праву можно поставить в ряд лучших археологических журналов.

Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деоник

Ли Я-Нун, Рабовладение и феодализм в Китае, Шанхай, 1954, 176 стр. (на китайском языке)

Современный китайский историк Ли Я-нун недавно опубликовал работу, посвященную вопросам рабства и феодализма в Китае. Книга Ли Я-нуна — результат многолетних трудов автора в области изучения древнекитайской истории — представ-

Рис. 6. Граффити на сосудах из Арикамеду